

Таблица 1

Слово	Пример	Дефиниция	Пример
seek	She is seeking public office.	look for	She is looking for a job.
seek for	He was seeking among his untidy papers for the right one.	Search, try to find or get	He searched his pockets for a cigarette.
rifle	She rifled the cupboards for any value.	Search thoroughly	
watch	She watched for the postman.	Expect and wait for	We waited for you to come.

Такого рода объяснения, конечно, занимают время. Однако представляется, что это время тратится более плодотворно, чем бесконечные исправления ошибок в употреблении предлогов, заученных механически. Кроме того, сознательное освоение языковой действительности позволяет студентам видеть реальную проблему за сухим текстом, что для экономиста не менее важно, чем для лингвиста.

УДК 37:1+159.9

Мартинковский М.

ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Глобализация в качестве социального процесса (или тенденции) рассматривается как продолжение ранее начавшихся процессов модернизации. Эти процессы затронули государства, народы и этнические группы независимо от геополитической позиции, воли и целенаправленности предпринимаемых ими социокультурных действий. Особенно важным является то, что глобализация существенно снижает роль государства как главного регулятора и посредника во взаимодействии между человеком и внешним миром. Вследствие глобализации человек сегодня может принадлежать к группам и культурам, в которые он «физически не погружен», ибо появление «глобальных форм коммуникации» (спутниковое телевидение, Интернет) «дает возможность этим группам культурно присутствовать в жизни отдельных общностей и обществ» [1, 164-165]. Средства массовой информации чрезвычайно быстро распространяют по всему миру определенные ценности, идеи, образцы поведения, предметы, образ мысли и формы реакции. Для современного общества характерна «значительно возросшая степень взаимного воздействия - как физического (благодаря путешествиям, плотности населения, крупным предприятиям), так и психологического, которое связывает нас и непосредственно, и символически с таким большим количеством людей. Эти воздействия вызывают не только социальную, но и психологическую дифференциацию людей, порождают желание перемен и новостей, что не может не накладываться отпечаток на ритм современной жизни.

Драматический диагноз, отражающий характер этих изменений, поставил автор «Конца истории». Он утверждает, что большинство стран индустриального мира «испытало серьезную эрозию социальных условий. Возросла преступность, разрушены право и порядок, а жизнь в некоторых районах больших городов самых богатых стран стала почти невозможной. Процессы ослабления родственных связей, распада семьи как социального института, которые наблюдаются в течение последних 200 лет, резко ускорились... естественный прирост снизился столь значительно, что в следующем веке эти общества столкнутся с проблемой депопуляции. Разразилась глубокий сорокалетний кризис доверия к общественным институтам... Он также изменил характер отношений между людьми» [4, 145]. Написавший эти слова, Ф. Фукуяма (1999) выражал не вполне обоснованную надежду на скорое

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.A., University Grammar of English. M., 1982, p.134
2. McArthur T. Longman. Lexicon of Contemporary English. London, 1985, p.289
3. Шах-Назарова В.С., Журавченко К.В. Английский для вас. М., 1994

возвращение постиндустриальных обществ к более консервативным социальным нормам, а также на падение популярности крайних форм индивидуализма.

Культурные следствия глобализационных процессов заключаются в распространении универсальных символов, образцов и способов потребления независимо от специфики локальной культурной основы. Д. Харвей определяет этот процесс как «компрессия времени и пространства» [6, 284]. Результатом глобализации является тот факт, что радикально увеличивается сфера реальности, которая влияет на каждого из нас и с которой все мы должны соотносить свои собственные действия. Однако для большинства индивидов тот сегмент реальности, на который они сами оказывают какое-либо влияние, расширился (если об этом можно говорить вообще) незначительно. В результате люди, не имея возможности воздействовать на реальность, пытаются ее только каким-либо образом интерпретировать, часто для того, чтобы внешними обстоятельствами объяснить себе свои неудачи и трудную жизненную ситуацию. Культурный аспект глобализации проявляется в том, что она оказывает влияние на процессы формирования идентичности: прежние формы последней были разрушены рефлексией собственной судьбы и изменением темпа социальных перемен.

Глобальная культура не способствует развитию индивидуальности человека, который находится в поле ее действия, поэтому он часто опустошен и одинок, ориентирован исключительно на удовлетворение элементарных потребностей, легко поддается влиянию моды. В постмодернистских обществах для типичного образа жизни человека характерны фрагментарность и эпизодичность деятельности, тревожность и непоследовательность поведения, непрочность связей и интересов, непостоянство в дружбе, концентрация внимания и усилий исключительно на себе, собственных удовольствиях и сиюминутных переживаниях без учета последствий и предвидения результатов, а также отсутствие долгосрочных жизненных планов. Источник такого положения вещей во многом можно усматривать в самой природе глобализации, которая является неконтролируемым и стихийным процессом. В этой ситуации основанием действий, способствующих развитию индивидуальности человека, является его собственная активность, а совершенствование мира осуществляется на основе

Мартинковский Мариан, доктор habilitovany, педагогико-художественный факультет Университета имени А. Мицкевича в Познани, Республика Польша.

принятия этой релятивизации, прагматизации и приватизации, сконцентрированных вокруг личного интереса. В западной культуре индивид имеет ярко выраженный приоритет относительно коллектива. Однако такая ситуация может вести к разрушению личности как субъекта, а в конечном итоге, и к разрушению той общности, в которую она включена. Это связано с тем, что стремительное изменение стандартов и культурных норм усложняет структуру социальной среды и углубляет фрагментацию личности, которая влечет за собой прагматизацию жизненных практик. Приоритет отдается тому, что происходит «здесь» и «сейчас» относительно расклада социальных ролей, который опирается на относительно устойчивую систему изменяющихся пространственно-временных характеристик и подчиняется определенным нормативным правилам. Картина глобализации особенно привлекательна, если смотреть на нее глазами индивида, поскольку она апеллирует к универсальным принципам гуманизма, плюрализма, субъективации человека, освобождения от ограничений, накладываемых на него социальной общностью. Однако, с другой стороны, индивидуализация и прагматизация человеческого поведения влечет за собой дезинтеграцию механизмов социального контроля и возникновение потребительского общества, опирающегося на острое соперничество. Следствием этих процессов становится сужение сферы социальной безопасности и границ, в которых общество осуществляет свое влияние и контроль над поведением и деятельностью индивидов и групп.

Средства массовой информации представляют собой сложившийся социальный институт, который значительно влияет на развитие самого общества, и на формирование личности каждого его члена. Процветающий на телеэкранах культ насилия, жесткости и эротики, коммерциализация, непомерная политизированность обрушивающихся на нас и наших детей потоков информации ставят под сомнение эффективность усилий педагогов в привитии учащимся интереса к гуманистическим ценностям. Преодолеть это можно целенаправленным внедрением в массовое сознание необходимости перестройки деятельности всех социальных структур ответственных за воспитание детей и молодежи, реальной оценкой факторов, формирующих или разрушающих гуманистические идеалы человека.

Множественность системы ценностей, типов культурного поведения расширяет сферу одобряемого социально и культурно. Однако она же порождает экзистенциальное напряжение. Это напряжение обусловлено, необходимостью совершения выбора, осознанием неопределенности, распадом „существующих форм социальной жизни, их некомплементарностью, а также необходимостью пребывания во все более расширяющемся поле неартикулированной реальности” [9, 28]. В интерпретации происходящих перемен исследователями культуры, появляются такие знаковые понятия, как «культурный хаос», «системная неопределенность», «общество без правил» или «культурная дезориентация». В традиционном подходе культура понимается как совокупность значений, ценностей и норм, выполняющих функцию упорядочивания и объяснения мира, в котором мы живем, что делает его понятным и предсказуемым. Появление же, представленных выше понятий, указывает на слабость упорядочивающей, объясняющей функции культуры, ее норм и категорий, обеспечивающих предсказуемость мира. Этот феномен является важным элементом существующей социальной и культурной реальности, которую характеризуют изменчивость, текучесть, бесформенность, и в которой одни нормы и ценности исчезают, а другие появляются.

В современном обществе общепризнанными являются ценности религиозной и гуманистической традиций - индивидуализм, любовь, сочувствие, надежда и т.д. Однако для большинства людей они стали «идеологиями» и не руководят

более их поведением. Собственность, потребление, социальный статус, развлечения, чувственные впечатления - все это „ценности не осознаваемые, но непосредственно определяющие поведение человека, и созданы они в бюрократической системе индустриального общества” [5, 118]. Расхождение между ценностями, осознаваемыми и неэффективными, и подсознательными, но результативными опустошает личность современного человека, который вынужден действовать вразрез с тем, чему его учили, что порождает чувство вины, недоверие к себе и другим, беспокойство и потерянность. Это компенсируется «вынужденным» потреблением: приобретая товары, человек уверяет себя в том, что он «существует». Современный человек «имеет» все: машину, дом, работу, семью, успех, заботу, «сам же он есть ничто», доказательством чего является наблюдаемый в наше время кризис идентичности, разрушение целостности человеческой личности. На это обстоятельство Э. Фромм обращает особое внимание: идентичность «Я», по его мнению, относится к категории бытия, а не обладания, ибо: „Я есть Я в такой мере, в какой я живу, испытываю интерес, в какой я связан с миром и действую в нем, в какой я достиг совпадения собственных представлений о себе с представлениями обо мне других людей, собственных представлений о себе с собою истинным, реально существующим и с сущностью моей собственной личности” [5, 115].

Процессы глобализации порождают в индивиде чувство потерянности в многозначности мира и ощущение разрушения своей идентичности. Это находит подтверждение в исследованиях «изменяющегося мира потребления». В сфере дискурсивного формирования идентичности выделяются многообразные культурные тенденции. На это указывает набросок «контуров» следующих видов идентичности: глобально прозрачная, глобально «каждая», притворяющаяся, по типу супермаркета, американского типа, типа бритвы (апологетика различия). Решение проблемы следует искать в изменении установок индивидов и освобождении их от привычных страхов с опорой на такие ценности, как подлинность, дружба, поиск настоящих «красок» жизни. Поэтому следует, вслед за Д. Рисманом и др., надеяться на то, что неисчерпаемые возможности разнообразия, коренящиеся в человеческой природе, и присущая людям способность к дифференциации ощущений станут, в конце концов, „признаны человеком ценностью, и он избавится от искушения приспособляться любой ценой ... Мысль о том, что люди рождаются свободными и равными - одновременно истинна и ошибочна, - люди рождаются равными и тратят свою социальную свободу и индивидуальную автономию на то, чтобы уподобиться другим. Если бы «внешне управляемые люди», смогли понять, сколь глубоко они погружены в тщеславные усилия быть такими, как другие, и что „попытки ослабить одиночество бегством в толпу ровесников, подобны попыткам утолить жажду морской водой, - тогда мы могли бы надеяться на то, что они будут уделять больше внимания своим собственным чувствам и стремлениям” [13, 406]. Появление интереса к ним является важнейшим проявлением развития личности (углубления индивидуальности), условием отказа от прежнего образа жизни, для которого производство и потребление товаров – главная цель человеческого существования.

Анализируя основные тенденции в развитии культуры последнего десятилетия прошлого века, Дж. Несбит [10] парадоксальным результатом «глобализма» (в экономике, обычаях, питании, одежде, и т.п.) признает «триумф индивидуализации». По его убеждению, свойства современных технологий, средств коммуникации и политических норм становятся причиной того, что инициатива индивида, его личная ответственность и интересы выходят на передний план. Разумеется, это не монолитный процесс. В Польше (и соседних странах) он запаздывает, так как здесь наблюдаются процессы,

вызывающие у индивида чувство беспомощности, «патерналистские» ожидания или просто тоску по «сильной руке», а также другие проявления «бегства от свободы».

Отличительной чертой наблюдаемых новых форм индивидуализма является то, что, как правило, они не толкают человека ни к асоциальности, ни к агрессивности. Демократичный и плюралистический характер современной культуры, напротив, отвечает потребностям индивидов, стремящихся к тому, чтобы формировать себя в соответствии с собственными предпочтениями, особенно, если их поведение не представляет опасности для окружающих. Желательно чрезмерно не выделяться образом жизни и быть независимым от одобрения или порицания со стороны других людей. Такая позиция благоприятствует психологической автономии индивида, его относительной независимости от культуры. Пришло время понять, что мир будет таким, какими будут живущие в нем люди, а, следовательно, лучший мир можно создать только через совершенствование человека. Любая попытка изменения человека, воздействием на него извне, обращается и против самого человека, и против тех, кто стремится его изменить. В условиях современной цивилизации создаются условия для того, чтобы творческий способ участия индивида в жизни общества стал нормой, но человек не должен „ограничивать свои возможности развития ради социального одобрения“ [11, 37]. Такая позиция дает шанс на согласование общественных и личных интересов, и на сохранение идентичности личности в динамично развивающемся мире.

Когда скоро речь заходит об идентичности, следует подчеркнуть: принципиальным измерением повседневного бытия человека является выбор. С уверенностью можно утверждать, что ни одна культура не элиминирует полностью выбора, который совершает индивид в обыденной жизни. На практике все традиции сводятся к выбору одного или нескольких из бесчисленных способов действия. Однако традиция или укоренившиеся обычаи, предписывают жить в какой-то мере искусственно установленным образом. Современность предоставляет индивиду целую гамму различных возможностей, и одновременно, в силу отсутствия крупной, объединяющей идеи, не дает указаний, что именно следует выбрать. Одним из следствий этого является то, что в условиях новейшего времени „каждый имеет какой-то образ жизни и к тому же к нему в определенном смысле принужден: нет выбора - надо выбирать“ [7, 113], а понятие «образ жизни» связывается с существованием возможности индивидуального выбора. Из этого следует, что одним из определяющих элементов образа жизни является наличие относительной свободы выбора: поведение индивида определяет его положение в социальном пространстве, а тем самым дает наблюдателю возможность идентифицировать его социально. Однако до Нового времени такая свобода была невозможна, поскольку культура строго контролировала поведение, предписываемое определенным социальным группам. Например, в викторианской культуре развитые и застывшие социальные стандарты социального поведения не оставляли человеку никакого аксиологического пространства между его желаниями и социальными требованиями. Художественная литература, система воспитания и обучения, организация труда и принципы отбора на должность однозначно утверждали „ценность подчинения индивида группе, и даже принесение индивида в жертву «обществу». Чувство вины по отношению к культурным нормам стало основным регулятором жизни индивидов“ [11, 22]. По мнению К. Обуховского, в настоящее время ситуация изменилась настолько, что культура как система норм и их освоения становится все более слабой и немного может предложить индивиду. Мы имеем в виду культуру в нормативном смысле, под которой понимаются принятые в определенных типах обществ оценки, взгляды, и модели мышления. На их основе формируются представления о том, что является правильным

(надлежащим), а что неправильным (ненадлежащим). Результатом ослабления регулирующей роли культуры является то, что одни и те же манеры поведения, одежды, подход человека к самоопределению, способам добывания денег или формулированию жизненных целей, отношение к профессиональной карьере и т.д. в разных культурах осуществляются и оцениваются по-разному. Иногда в пределах одной культуры встречаются различия, которые можно назвать субкультурами (например, культура сельская, городская, молодежная). В ситуации, когда действие культуры относительно слабо, индивид должен сам произвести в себе соответствующие изменения, чтобы личными качествами восполнить то, что раньше получал готовым, к чему достаточно было только приспособиться.

Попытку объяснения этого явления мы находим у П. Бергера: „Традиционные общества придают своим членам общие определенные и устойчивые черты, которые делают их тождественными друг другу. В современных обществах сама эта тождественность неопределенна и изменчива... Жить в современном обществе - значит жить в центре калейдоскопа постоянно меняющихся ролей.... Беспрецедентный масштаб географической и социальной мобильности в современном обществе означает, что индивид поставлен в условия беспрецедентного разнообразия способов видения мира“ [2, 56-57]. Современный человек, особенно образованный, находится в состоянии постоянного сомнения относительно самого себя и мира, в котором живет. Сознание относительности, которое, во все исторические времена было присуще небольшим группам интеллектуалов, оказывается сегодня неоспоримым культурным фактом, глубоко затронувшим более низкие слои социальной системы. Фоном здесь является, «современный экзистенциальный пейзаж», ибо в посттрадиционном, рефлексивно упорядоченном, сотканном из абстрактных систем социальном мире, где реорганизация времени и пространства создает новую конфигурацию локальности и глобальности, «я» „подвергается существенному изменению“ [7, 112]. Терапия и самотерапия, выражает эти изменения, обучая ее осуществлению в рамках самореализации.

Разработанная в русле гуманистической психологии теория Роджерса исходит из предположения о том, что основным мотивом поведения индивида является тенденция к самореализации, которая выражается стремлением к развитию собственных способностей и возможностей с целью сохранения и совершенствования организма. Самореализация - это, прежде всего выход за пределы настоящего состояния и расширение диапазона собственного опыта. Организм сам „знает“, что для него хорошо, а что - плохо; он обладает врожденной способностью выбирать то, что служит самореализации и уклоняться от того, что ей угрожает. Субъективным показателем правильного выбора (благоприятной оценки событий) является чувство удовлетворения. Самореализация является ценностью сама по себе, она интегрирует все уровни жизнедеятельности личности и делает возможным ее единение с внешним миром. Путь к самореализации, труден, поскольку „реальность повседневности движется... по накатанной колее“ и часто случается так, что тот, „кто самостоятельно ищет возможность самореализации, сталкивается с огромными трудностями, ранит себя, ударяясь о преграды, - того клеймят как дезертира, предающего «общество»“ [8, 304]. Происходит так потому, что различные взгляды и оценки могут противоречить социальной реальности и ее требованиям. Ошибочное суждение человека о самом себе и его представления о хорошей жизни, как правило, наталкиваются на сопротивление реальности, требующей разрешения этого противоречия признанием ее правоты. Человек, стремления которого находятся в соответствии с реальными возможностями его самореализации, должен быть уверен в себе, открыт «внутреннему опыту», независимо от полученных прежде, жизненных уроков, и

это, в конечном счете, оказывает влияние на качество жизни. Сущностной характеристикой такой личности является переживаемое ею «ощущение свободы», выражающееся в том, что человек сознательно, по собственному расчёту принимает решение, определяет направление действий и контролирует их выполнение. Каждое ограничение является для него только призывом к его преодолению или нейтрализации. В рамках гуманистической психологии, появляется особый вид индивидуализма, который можно определить как «гуманистический индивидуализм», а индивидуальная психология содержится в себе идею «социального индивидуализма».

В основе концепции Роджерса лежит предположение о расхождении между тем, что человек испытывает осознанно (что находится в поле его осознанного внимания), и тем, что воздействует на его поведение, хотя он этого не осознает. То, что воздействует на организм и может определять поведение, доступно осознанию только потенциально. Оно образует так называемое феноменологическое поле субъекта. Согласно познавательной концепции личности, причины устойчивого поведения и неустраиваемости различий между людьми кроются, прежде всего, в насыщенных конкретным содержанием, формирующихся в процессе накопления нашего культурного опыта, познавательных представлениях (например, в представлениях о самих себе, в системе убеждений). Они также скрываются в стандартах поведения (освоенных моральных нормах, личных целях) и в программах деятельности (например, в стратегиях, направленных на то, чтобы справляться с жизненными проблемами). Основные функции личности служат решению двух важнейших ее задач: как системы психологической адаптации (благодаря адаптивному изменению поведения мы лучше справляемся с требованиями, идущими от окружения) и психологической интеграции человека; и как целостного субъекта, «центра» сознания, и принятия решений. Познавательный подход сосредоточивается на имеющих принципиальную важность, трех психологических механизмах, которые обеспечивают интеграцию нашей личности, несмотря на постоянное давление часто противоречивой информации:

- представление о собственной личности (то есть относительно устойчивый внутренний образ самого себя);
- самосознание (или способность человека следить за течением собственных мыслей, отдавать себе отчет в своих чувствах и желаниях, а также наблюдать себя как объект);
- многоуровневый процесс саморегуляции, благодаря которому наши действия своевременно корректируются „текущим моментом” и подгоняются к внутренним стандартам (таким, как личные цели), либо к понимаемым ожиданиям других людей (например, к групповым нормам).

Самосознание является не только источником самооценки, но и средством получения, выведенного путем размышления, знания о других людях. О наличии самосознания свидетельствует, в частности, склонность индивида к самонаблюдению и самопознанию; поиск им возможностей всмотреться в самого себя и дополнить свои представления о самом себе; стремление расширить собственные стандарты и цели; а также желание добиться их самостоятельно. Становлению самопознания сопутствует развитие системы ценностей и создание образа «идеального Я», что, в общем, и становится основанием самооценки. В свою очередь, вынесение оценки оказывает влияние на формирующуюся мотивацию, совершаемый выбор и принятие решений. Убеждения относятся к представлениям о том, кем я есть и каким мне стоит и хотелось бы быть; они позволяют сосредоточить нашу активность в «правильном» направлении.

Концепция человеческой природы К. Роджерса предполагает существование в человеке стремления к совершенствованию себя. Исходным условием является опыт безусловного

одобрения ребенка со стороны родителей или других лиц референтной группы – это подтверждает собственную ценность человека и порождает чувство доверия к себе, необходимое для того, чтобы спокойно и без напряжения реализовывать свои возможности. Характерной чертой растущей и самореализующейся личности является «творчество» – это понятие употребляют все специалисты по гуманистической психологии. По их мнению, только творческое отношение к проблемам делает возможной конструктивную синхронизацию собственных потребностей и требований, идущих от мира, – того, чем мы являемся, с тем, чем мы должны быть. Творчество позволяет жить в обществе и не стать его «пленником». Как заметил Д. Риеман и др., мы живем в век «одиночества в толпе», в которой человеческий индивид анонимен. В связи с этим, достаточно широко распространено убеждение в том, что „массовое производство, стандартизация информации (и индоктринация), распространяемая через средства массовой информации, сам факт жизни в перенаселенных городских агломерациях – все это создает реальную угрозу утраты ощущения индивидуальной идентичности” [13, 518]. Творчество же является тем, что позволяет вырваться из анонимности стандартизованного существования. Оно дает возможность выразить черты собственной личности, ибо является манифестацией человеческой неповторимости. Развитие личности происходит в результате того, что человек идет своей „дорогой”, ведущей его к определяемым им самим ценностям, ценностям, понимаемым как цель.

Реализация ценности как цели устремлений индивида требует от него умения устоять перед искушением момента и состоянием организма в данную минуту. Иначе говоря, ценность отдаленных целей должна присутствовать в человеке постоянно и быть для него настолько важной, чтобы помочь ему одержать победу в борьбе с ценностями, которые в данную минуту привлекают либо отталкивают (например, мы устали и хотим отдохнуть). Авторы концепции «одиночества в толпе» называют индивида, ориентированного на ценности, понимаемые как цель, «человеком, управляемым изнутри». По их мнению, источником индивидуальной управляемости является „...внутреннее в том значении, что оно было вложено ребенку взрослыми в ранний период его жизни и что оно направляет его поступки и мысли в сторону общепринятых, но раз и навсегда определенных целей. Кажется, что любое общество, которое опирается на внутреннюю управляемость, предоставляет людям на выбор широкий диапазон целей, таких как деньги, обладание, власть, знание, слава, доброта – эти цели теоретически взаимозависимы, но индивид, однажды совершивший выбор, определяет себя в какой-то мере на всю жизнь” [13, 20-21]. Человек, ориентированный на долгосрочные цели, подчиняется внутреннему управлению через механизм, называемый Д. Риеманом и др., «психическим жиро-скопом», который единожды приведенный в движение, внутренним управлением удерживает человека на „правильном курсе”. Человек становится способен поддерживать „тонкое равновесие между требованиями, идущими от жизненных целей, и давлением внешней среды” [там же]. В этой ситуации выполнение задачи перестает зависеть от внешней ситуации, но оно существует в индивиде как внутренняя потребность, которой сопутствует сильная мотивация достижения ценности-цели. Картины будущего индивида (его внутренние обязательства) должны не только вторгаться в текущее оценивание, но также должны быть для него настолько привлекательными, чтобы смогли сохранить свой приоритет по отношению к „актуальным ценностям”. Для решения сознательно выбранных, долгосрочных задач, обязательной является «несгибаемость», верность своей цели, победа над „парализующими силами привычки и влиянием окружения”, интегрирование «идеального я» вокруг выбранной „линии жизни”. Поэтому следует согласиться с Г. Селье, что целью жизни

человека является сохранение своей собственной идентичности, а также проявление своих „врожденных способностей и стремлений... Для того, чтобы оставаться здоровым, человек должен иметь определенную цель, какой-то замысел в жизни, к которому он мог бы испытывать уважение и гордиться тем трудом, который он вкладывает в его осуществление” [14, 98-99]. Отсюда также следует, что каждый человек должен зарабатывать для себя такой способ высвобождения энергии, чтобы не создавать конфликтов с другими людьми, а если это возможно, то и приобретать их доброжелательное отношение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bell D. Kulturowe sprzeczności kapitalizmu.- Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1994.
2. Berger P.L. Zaproszenie do socjologii.- Warszawa: PWN, 1988.
3. Fromm E. Rewolucja nadziei.- Poznań: Dom Wydawniczy „Rebis”, 2000.
4. Fukuyama F. Wielki wstrząs.- Warszawa: Wydawnictwo „Politeja”, 2000.

5. Giddens A. Nowoczesność i tożsamość: „Ja” i społeczeństwo w epoce różnej nowoczesności.- Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2001.
6. Harvey D. The Condition of Postmodernity.- Oxford: Basil Blackwell, 1989.
7. Jungk R. Człowiek tysiąclecia: Wiadomości z warsztatów, w których rodzi się nowe społeczeństwo.- Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1981.
8. Korpowicz L. Komunikacja i osobowość w społeczeństwie transformacji.- Warszawa: Instytut Socjologii UW, 1996.
9. Misztal B. Teoria socjologiczna a praktyka społeczna.- Kraków: TAIWPN UNIVERSITAS, 2000.
10. Nasbitt J. Megatrendy. Dziesięć nowych kierunków zmieniających nasze życie.- Poznań: Zysk i S-ka. Wydawnictwo, 1997.
11. Obuchowski K. Człowiek intencjonalny.- Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1993.
12. Obuchowski K. Galaktyka potrzeb: Psychologia dążeń ludzkich.- Poznań: Zysk i S-ka, 2000.
13. Riesman D. Samotny tłum.- Warszawa: PWN, 1971.
14. Selye H. Stres okiełznany.- Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977.

УДК 316.77

Шебанова И.А.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

14 октября 1986 г. был сделан первый серьезный шаг на пути формирования единого европейского пространства высшего образования – подписана Великая хартия университетов в Болонье.

Главной целью документа было определение основной задачи университетов: сохранение традиций и укрепление связей между европейскими университетами, и отмечено, что будущее зависит от культурного и научно-технического развития, которое формируется в научных университетах, цель которых - служить всему обществу.

Данный документ не имел правительственный статус, но он послужил основой для принятия последующих важных решений на пути преобразования образовательных систем. Наиболее впечатляющие изменения происходят на Европейском континенте, и этот процесс отражается в ряде международных документов.

С ноября 1993 г. действует Маастрихтский договор, установивший, что Европейское Сообщество намерено развивать «европейское измерение в образовании», которое ставит своей целью формирование гражданина и профессионала европейского типа: человека исповедующего терпимость, плюрализм, ценящего культурное наследие сообщества, сознательного участника процесса европейской интеграции, осознающего европейское сходство и воплощающего в себе «наследие прошлого, осуществление настоящего, изображение будущего».[1]

В 1998 году в Париже состоялась первая Всемирная конференция по высшему образованию. Происходящие в сфере образования изменения привели к необходимости их осмысления на таком форуме, а ранее на региональных совещаниях. На конференции были приведены следующие цифры: в мире в 1960 году было 12 миллионов студентов, а в 1996 году уже 78 миллионов. За указанный промежуток времени число студентов на

10 тыс. населения увеличилось более чем в четыре раза.

В БССР в 1960 году на 8 млн. населения приходилось 60 тыс. студентов, в 2003 г. в Республике Беларусь на 10 млн. – 330 тыс. студентов.

Такая тенденция роста числа студентов за последние десятилетия получила название **массового высшего образования**.

Мы являемся свидетелями одинаковых политических и экономических изменений, происходящих во всех странах ЕС за последние пару десятков лет. Изменения происходят и в сфере образования. В 1999 году представители 29 европейских государств подписали Болонскую Декларацию. Принятие Сорбонской и Болонской деклараций (1999) оказывает существенное влияние на формирование общеевропейского образовательного пространства, целями которого является:

- обеспечение конкурентоспособности европейской системы высшего образования,
- признание квалификаций,
- сближение высшего образования в сферах управления и контроля, учебных программ, поступления и обучения,
- развитие академической мобильности и обеспечение трудоустройства вузовских выпускников на рынке европейского пространства.

Для достижения этих целей были обозначены 6 задач, которые были подтверждены и подробнее рассмотрены в Заключительном документе конференции министров образования, принятом в Праге в 2001 и получившего название Пражского Коммюнике.

Рассмотрим их более подробно в соотношении с ситуацией в Республике Беларусь.

1. Создание системы «легкочитаемых» и сравнимых академических степеней.

Для решения этой задачи необходимо, чтобы университеты на основе национальной законодательной базы создали

Шебанова Ирина Александровна, ст. преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.